

О МЕТОДИКЕ ОЦЕНКИ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ И ПРОГНОЗА СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Е.А. Иванов, Л.М. Исаев

**On Methods of Estimating Current Condition
and of Forecasting Social Instability in Central Asia**

Evgeny Ivanov, Leonid Issaev

<ИВАНОВ Евгений Александрович, младший научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации ЦФИ НИУ ВШЭ; ИСАЕВ Леонид Маркович, кандидат политических наук, старший преподаватель департамента политической науки НИУ ВШЭ.

Для связи с авторами: isleonid@yandex.ru>

<Ivanov Evgeny, Junior Researcher at the Laboratory for the Monitoring of Sociopolitical Destabilization Risks of the National Research University Higher School of Economics; Issaev Leonid, PhD (in Political Sciences), Senior Lecturer of the Department of Political Science of the National Research University Higher School of Economics >

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 году при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Проект № 17-06-00476).

Аннотация. Работа посвящена анализу факторов устойчивости политических режимов государств Центральной Азии после событий "Арабской весны". Страны Центральной Азии имеют ряд сходных характеристик с государствами арабского мира, ставшими центром революционных движений. К таковым относятся этническая и племенная фрагментация, высокая доля молодёжи в составе населения, социальное неравенство, низкое качество государственного управления, географическая близость к зонам нестабильности и др.. В связи с чем, в экспертном мнении сформировалась позиция касательно возможности дестабилизации государств Центральной Азии. Однако режимам в этом регионе удалось сохранить стабильность. В ходе исследования с помощью регрессионного анализа были протестированы факторы дестабилизации. За базовую была взята модель, опробованная при анализе протестов в арабском мире. Модель включает в себя пять ключевых факторов: 1) степень фрагментации общества и элит 2) доля маргинальных групп в населении (безработная молодёжь) 3) тип политического устройства 4) наличие/ отсутствие крупномасштабных конфликтов в недавнем прошлом 5) степень вмешательства международных акторов во внутренние дела стран региона. В результате анализа было выявлено, что стабильность в центральноазиатском регионе обеспечена, прежде всего, низкой концентрацией маргинальной молодёжи в крупных городах, поскольку значительная часть молодых людей – трудовые мигранты, работающие в России. Важным фактором стал тип политического устройства. Также, как и в арабском мире, центральноазиатские государства с авторитарной формой правления наравне с имитационными демократиями в наибольшей степени подвержены социально-политической дестабилизации. Ситуация усложняется тем, что государствах Центральной Азии не сформировались устойчивые процедуры передачи власти, а правители ограничены в выборе преемников. Также на стабильность повлияла

консолидация элит вокруг авторитарных лидеров, при которой этническая или клановая лояльность уступила место личной преданности главе государства. При этом при усилении фрагментации в обществе или элитах значительно возрастает конфликтогенный потенциал. Основываясь на результатах исследования, можно сказать, что наибольший потенциал для дестабилизации имеют Таджикистан и Узбекистан. Киргизия и Туркмения, напротив, нейтрализуют возникающие предпосылки к усилению напряжённости внутри страны. На данный момент ни одно из государств Центральной Азии не достигло уровня потенциальной нестабильности, при котором в арабских странах начинались революции. Тем не менее, динамика последних лет указывает на вероятность протестных движений в последующие годы.

Summary. This paper examines sustainability factors of political regimes in Central Asia after the Arab Spring. According to the contemporary political notion, Central Asia consists of five states, viz. Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Turkmenistan. The countries of Central Asia have a number of similarities with the states of the Arab world which became the epicenter of revolutionary movements after 2011. These characteristics are – a high share of the youth population, social inequality and fragmentation, poor quality of state governance, geographical proximity to instability areas (Afghanistan, the Middle East), etc. Thus, many experts expected that the wave of revolutions would come to Central Asia. But political regimes in the region have managed to keep stability. The research tests (de)stabilization factors by means of regression analysis. The core of the model includes analytical tools applied for the Arab Spring events. Five key factors are used: 1) extent of society and elite fragmentation 2) share of marginal groups in the population (jobless youth) 3) type of a political system 4) existence / lack of the large-scale conflicts in the recent past 5) extent of international actors' intervention into Central Asia home affairs. As a result, it was revealed that stability in the Central Asian region is provided, first of all, with low concentration of the marginal youth in the big cities as a considerable part of youngsters are the labor migrants who works abroad. The type of political system is an important factor too. As well as in the Arab world, the Central Asian autocracies and imitation democracies are exposed to socio-political destabilization more than monarchies or consolidated democracies. The situation becomes complicated as Central Asian political regimes have lack of procedures to transfer political power. Democratic institutions are poorly developed and distorted there. Moreover, state leaders have to face a vague choice to select successors. Also, stability was affected by consolidation of elite around current leaders who subdued ethnic or clan loyalty in favor of personal loyalty to them. At the same time, fragmentation strengthening can considerably increase probability of inner conflict and further destabilization. We found out that Tajikistan and Uzbekistan have the largest potential for destabilization. Kyrgyzstan and Turkmenistan, on the contrary, neutralize the arising prerequisites to tension strengthening within the country. Basing on regression modeling, we compared Central Asia states with Arab ones. By the moment any of Central Asia states has not reached the level of potential instability at which Arab Spring revolutions began. Nevertheless, dynamics of recent years indicates growing probability of protest movements in next years.

Ключевые слова: Центральная Азия, постсоветское пространство, Арабская весна, социальные революции, политическая (не)стабильность, политические режимы, политические риски, политическое прогнозирование.

Keywords: Central Asia, Arab Spring, Post-Soviet space, social revolution, political (in)stability, political regimes, political risks, political foresight.

Оценка текущего состояния и прогноз социальной нестабильности в странах Ближнего и Среднего Востока особенно после «Арабской весны» является чрезвычайно важной и актуальной, но и весьма сложной задачей. Эта сложность связана не только с многообразием факторов, влияющих на социальную нестабильность, с индивидуальными особенностями развития историко-культурных, социально-экономических и политических процессов в странах региона, но и с тем, что различные эксперты, делающие прогноз возможной динамики нестабильности, зачастую очень по-разному оценивают значимость различных факторов. В этой связи важной и актуальной задачей является выделение общих закономерностей возникновения социальной нестабильности и создание методики оценки количественных показателей, характеризующих уровень текущей нестабильности и перспектив ее дальнейшего развития в странах Центральной Азии. В наших прошлых исследованиях [см., например: Малков, Коротаев, Исаев, Кузьминова 2013; Korotayev, Issaev, Shishkina, Malkov 2014; Issaev, Korotayev, Shishkina, Malkov 2013] мы разработали методику оценки текущего состояния социальной нестабильности на примере арабских стран после «Арабской весны». На основе выявленной нами совокупности факторов, приведших к региональному политическому кризису в арабских странах в 2011 г., а также оценки их относительной значимости был составлен индекс потенциальной нестабильности политических режимов арабских стран, под которым понимается количественно выраженный показатель, фиксирующий уровень неустойчивости социально-политической системы к дестабилизирующим воздействиям. В рамках настоящей работы мы попытались операционализировать выработанную нами на примере Арабского мира базовую модель для исследования уровня потенциальной нестабильности в смежном с Ближним Востоком регионе – Центральной Азии.

История вопроса

Второе десятилетие XXI века ознаменовалось чередой значительных политических кризисов. «Арабская весна» и движение «Оссиру», затронувшие глубокие социальные конфликты, стали событиями глобального масштаба. Также был ряд региональных кризисов, вызванных локальной повесткой. Это митинги «За честные выборы!» в России, волнения в Иране, попытка мятежа в Турции, череда переворотов в Таиланде, Шафрановая революция в Мьянме, украинский «Евромайдан» и др.

Особое место занимают события «Арабской весны», в ходе которых в ряде стран арабского мира были свергнуты авторитарные лидеры, а другим недемократическим режимам пришлось пойти на уступки под давлением общественных выступлений. В Сирии и Йемене протестные события переросли в затянувшиеся гражданские войны [Исаев, Шишкина 2012]. Ливия после падения режима М. Каддафи находится на грани распада государства [Мещерина 2014: 26-31, Дорошенко 2014: 24-29].

В связи с ростом политической нестабильности в мире, многие эксперты начали говорить о том, что Центральная Азия (далее – ЦА) станет следующим регионом мира, куда придут политические кризисы.

Государства ЦА имеют сходные с арабскими странами социально-демографические условия, отягощенные рядом предпосылок. Среди таковых называются «этнические и клановые размежевания, социальное неравенство, растущая безработица, прежде всего, касающаяся молодёжи, низкое качество государственного управления, коррупция, религиозный экстремизм, усиление позиций наркомафии и отсутствие механизмов передачи верховной политической власти. На все это накладываются внешние факторы дестабилизации региона: конфликты за водные ресурсы и энергоресурсы, рост наркотрафика, террористическая угроза и соседство с Афганистаном [Малышева 2013:5-6]».

Собственно, сама «Арабская весна» и её последствия могли и могут стать триггерами нестабильности в ЦА [ЦА в контексте... 2013: 19-30]. Р. Клем пишет: «Есть ещё один вариант развития движения по смене режимов, заставляющий задуматься. Этот вариант касается пяти постсоветских государств ЦА. Пока что не затронутые «Арабской весной» государства ЦА имеют много общего с арабскими странами» [Clem 2011: 229].

О вполне вероятной волне массовых протестов в ЦА говорят М. Тахир [Tahir 2011: 5-11] и группа экспертов под руководством А. Зикибаевой [Zikibayeva et al 2011: 14]. В целом, в научной среде есть значительное число исследователей, расценивающих вероятность дестабилизации обстановки в ЦА как высокую.

Кроме того, постсоциалистические политические режимы находятся в процессе государственного строительства, в связи с чем подвержены периодам протестной нестабильности. Всего лишь десятилетием ранее «Арабской весны» так было в Сербии, Грузии, Украине, Киргизии и Армении. Незначительными волнениями отмечалась даже Беларусь во время очередных президентских выборов.

Вопреки прогнозам политическим режимам ЦА удалось сохранить устойчивость. В связи с этим возникает вопрос: за счёт чего? Понимать механику поддержания устойчивости политических систем различного рода не менее важно, чем объяснять причины успешных трансформаций. Дж. Муртазашвили из Университета Питтсбурга отмечает, что исследователи чаще анализируют вопрос того, почему происходят революции и крайне редко, почему они не происходят [Murtazashvili 2012].

Исходя из вышесказанного, основная цель данной статьи – выявить факторы устойчивости политических режимов в постсоветской Центральной Азии в условиях роста глобальной нестабильности.

Устойчивость политических режимов имеет две составляющих: первая – наличие факторов, поддерживающих устойчивость режима; вторая – отсутствие факторов, способствующих его дестабилизации. Таким образом, рабочая гипотеза о том, что политические режимы ЦА сохранили устойчивость после событий «Арабской весны» благодаря специфичной конфигурации условий (де)стабилизации распадается на две составляющих:

- 1) поддержание стабильности в ЦА стало возможным благодаря наличию локальных факторов, сработавших на укрепление режимов;
- 2) стабильность в ЦА обусловлена тем, что факторы дестабилизации, сыгравшие ключевую роль в событиях «Арабской весны», были нейтрализованы.

Важно пояснить, что социально-политическая дестабилизация – это политически мотивированный всплеск социального недовольства, обладающий потенциалом к изменению траектории развития режима. Для большинства государств ЦА таковой траекторией является авторитаризм. Для Киргизии – неконсолидированная демократия.

Именно опыт Киргизии, в результате двух революций вставшей на путь демократизации, показывает, что в ближайшем будущем эволюционный переход к демократии в ЦА невозможен, что повышает вероятность дестабилизации.

Сегодня многие эксперты, например, Дж. Голдстоун говорят о четвёртом поколении теорий, объясняющих социальные революции новой волны, пик которой пришёлся на «Арабскую весну» [Goldstone 2001]. Прежние теории фокусировались на структурных недостатках тех или иных режимах, однако новые подходы должны учитывать те факторы, которые ранее оставались мало освященными. Возвращаясь к начальной посылке о сходстве условий ЦА и арабского мира, следует проанализировать роль факторов четвёртой волны.

В результате обзора широкого набора потенциальных факторов дестабилизации политических режимов были установлены основные направления для операционализации конечных переменных. Это наличие внутриэлитных конфликтов, наличие «горючего материала» (безработная молодёжь), характер политического строя и внешнее воздействие, а также наличие дополнительных триггеров (радикальные исламисты) или же сдерживающих факторов.

Учитывая, что касательно первого блока факторов уже походились исследования схожего рода [Исаев 2014; Малков, Коротаев, Исаев, Кузьминова 2013], то видится верным использовать уже неоднократно проверенные переменные, если они будут релевантны для изучаемого региона. Помимо этого, схожий набор предиктор позволит сопоставлять различные регионы между собой.

Также из указанных работ были заимствованы шкалы оценки переменных, поскольку проверенные на большем объеме эмпирики и составленные коллективно группой политических исследователей эти шкалы будут точнее, чем составленные на меньшей базе данных. Использование шкал позволяет сгладить неточности и искажения, характерные для статистических данных по ЦА.

Анализ факторов нестабильности и их относительной значимости

Эмпирическому и теоретическому исследованию факторов социальной нестабильности посвящено огромное количество исследований [см. напр. Гринин, Исаев, Коротаев 2015; Исаев, Шишкина 2012; Назаретян 2003; Коротаев, Исаев, Шишкина 2013; Шишкина, Исаев 2014, Davies 1969; Goldstone 1991, 2001; Goldstone et al. 2003; Goodwin 2001; Moller 1968; Roehner, Sornette, Andersen 2004], в которых проводился анализ событий, происходивших в различных странах в различное время. Нас интересуют трансформирующиеся (модернизирующиеся) страны переходного типа с достаточно сильными клановыми традициями (к таковым относятся как страны ЦА, так и большинство стран Ближнего Востока и Северной Африки, в которых разворачивались события «Арабской весны», поэтому за основу мы будем брать группу факторов, отобранную нами в ходе предыдущих исследований, посвященных «Арабской весне» [см., например: Малков, Коротаев, Исаев, Кузьминова 2013; Korotayev, Issaev, Shishkina, Malkov 2014; Issaev, Korotayev, Shishkina, Malkov 2013].

Первый фактор (X_1) – наличие внутриэлитных конфликтов - можно операционализировать через три ключевых размежевания: этно-племенное, конфессиональное и раскол внутри элит. В каждой из стран ЦА существует своя специфика данного фактора.

Казахстан. Современное состояние казахстанских элит можно описать так: «главным фактором политической стабильности на протяжении практически всего периода существования Казахстана как независимого государства был механизм личной власти Нурсултана Назарбаева, позволявший ему контролировать элиту и манипулировать различными бюрократическими кланами и финансово-промышленными конгломератами, возникшими в процессе слияния экономических групп и бюрократических клик» [Фёдоров 2013: 64]. Сильная личная власть Н. Назарбаева сделала его семью и персональную клиентелу самой влиятельной группой интересов в стране. Хотя даже внутри семьи Н. Назарбаева был конфликт с его возможным преемником, мужем старшей дочери Дариги Назарбаевой – Р.Алиевым, который неоднократно выступал с критикой режима Назарбаева, после чего бежал из страны, а в 2015 году был найден мертвым в австрийской тюрьме.

Что касается межплеменной раздробленности, то в Казахстане она имеет место быть, но выражена не сильно, в виду того что при Н. Назарбаеве личная преданность

главе государства превалирует над клановой лояльностью. В Казахстане трайбализм выражается в системе жузов. Жуз – это исторически сложившееся этнотерриториальное объединение, союз племен, занимавший определенные земли. Всего существует три больших жуза: старший, средний и младший. Помимо жузов выделяется несколько десятков родоплеменных образований. Жузы существовали в советский период и учитывались партийным руководством при номенклатурных назначениях. Н. Амрекулов выявил, что Н. Назарбаев, выходец из старшего жуза, также учитывает фактор при распределении позиций на высшем уровне власти. Тем не менее, казахстанский лидер нарушил баланс сил (по сравнению с 1995 г., когда был сильный парламент, возглавляемый представителем среднего жуза) [Амрекулов 2000: 131-146]. Кроме того, правление Назарбаева ознаменовалось укреплением его рода – шапырашты. Однако, межплеменные конфликты были подавлены и выведены из публичного поля. Одной из причин успеха является то, что внутри своей семьи Назарбаев смог объединить старший (он сам) и средний жузы (жена – Сара Назарбаева). Угроза межплеменного конфликта возможна лишь с уходом действующего президента, несмотря на попытки Назарбаева сгладить это размежевание, поскольку даже при советской власти жузы сохранили свои идентичности [Лукьянов 2013: 243-281].

Казахстан – полиэтничное государство. По итогам переписи 2009 г. в стране проживает восемь этносов, численностью более 100 тыс. человек. С момента распада СССР демографический баланс сместился в сторону казахов и других тюркских народов. Но славянское меньшинство по-прежнему существенно. Поэтому Н. Назарбаев вынужден вести очень гибкую национальную политику. С одной стороны, задан публичный курс на гармоничное проживание народов, а русский язык признаётся официальным и языком межнационального общения. С другой – существует заигрывание с молодыми поколениями на Юге страны, где националистические настроения выражены значительно, нежели в многонациональной Алма-Ате или на Севере республики. Например, в рамках политики строительства независимого Казахстана Н. Назарбаев выдвигал идею переименования страны в «Казак ели», объявлен переход казахского языка на латиницу, а административно-территориальная реформа 1997 г. фактически ликвидировала регионы с преобладанием этнически русского населения.

Межконфессиональные противоречия начали углубляться в последние несколько лет. Наиболее остро стоит вопрос радикального ислама, вытесняющего традиционно сложившиеся формы местного магометанства.

Узбекистан. В Узбекистане развито не столько трайбалистское деление, сколько кланы-землячества (их насчитывается от трех до семи). Номинально ведущую роль в Узбекистане более четверти века играл самаркандский клан, выходцем которого являлся экс-президент И. Каримов [Рогожкина 2009: 24-25; Кузнецова 2010; Кан 2006: 147-152; Фёдоров 2012: 85-106]. В этой связи в Узбекистане сложилось негласное правило, символизирующее сформировавшийся в стране статус-кво: «самаркандский клан правит, ташкентский считает деньги, а ферганский молится». Однако, реализуя стратегию арбитра, И. Каримов дистанцировался от клановой принадлежности. Ведущие позиции стали занимать финансово-промышленные группы, объединённые бизнес-интересами. Тем не менее, клановый фактор периодически выходит на первый план, как это было после событий в Андижане в 2005 г., когда И. Каримов ослабил ферганское землячество, опасаясь новых вызовов его правлению со стороны ферганцев. При этом благодаря содействию главы Службы национальной безопасности Р. Иноятова значительно усиливается ташкентский клан. Тем не менее, политика примирения двух ведущих кланов и превалирование бизнес-интересов над старыми клановыми размежеваниями,

позволила занять президентский пост представителю самаркандского клана - Ш. Мирзиёеву.

Самым серьезным конфликтом И.Каримова в борьбе за власть была конкуренция с М. Салихом, кандидатом на президентский пост и основателем партии «Эрк». Но М. Салих был вынужден бежать из страны в 1990-е и сейчас активного участия в политике не принимает, хотя регулярно даёт комментарии по ситуации в стране и критикует действующую власть. Из последних и текущих элитных конфликтов можно выделить два. Конфликт Каримова с его дочерью Гульнаррой, который являлся внешним проявлением более глубоких противоречий между старшей дочерью президента и Р. Иноятовым касательно контроля над денежными потоками и борьбой за политическое лидерство.

Второй конфликт произошёл внутри близкого окружения президента за право наследовать власть с учетом того, что И. Каримов напрямую не указал на преемника. На данный момент коалиция Р. Иноятова и Ш. Мирзиёева успешно реализует свой план, опираясь на ресурсы, заложенные И. Каримовым, которых может хватить на один-два президентских срока. После чего можно ожидать нового витка в борьбе за лидерство в Узбекистане, когда клановые интересы могут снова выйти на первый план.

Этнические противоречия в Узбекистане заключаются в двух трендах: выдавливании нетюркского (русского, украинского, немецкого, корейского) населения и нарастании ресентимента меньшинств (в Узбекистане – таджикского). Обе тенденции являются характерными для государств ЦА. Первая вызвана строительством десоветизированных национальных государств. Вторая – политикой «разделяй и властвуй», проводимой советскими властями в регионе. По их мнению, перекрёстное включение крупных нетитульных этносов в границы различных союзных республик было превентивной мерой от возможной сецессии.

Что касается межконфессиональных проблем, то, как и во всём регионе, ключевым вопросом для Узбекистана являются экстремистские течения ислама. И. Каримов проводил жесткую политику в отношении исламистов. Их деятельность запрещена, а сторонники преследуются режимом [Пономарев 1999; Зураб 2005]. Межконфессиональная напряженность стране невысока, хотя существует запрос на мягкую исламизацию страны, что приводит к конфликтам между узбеками-мусульманами и нетюркским населением.

Киргизия. В Киргизии существует понятие «кыргызчалык», что означает приверженность к традиционным устоям. В число таковых входит и сохранение клановой структуры. Все киргизы делятся на две больших группы онг и сол, которые включают в себя около сорока племен. Их роль в политике высока. Клановый фактор играл существенную роль при правлении К. Бакиева.

Кроме того, существуют серьезные межэтнические размежевания. На юге Киргизии проживает значительное узбекское меньшинство, а сами киргизы составляют всего около 70% населения страны, что наряду с Казахстаном является самым низким показателем для титульной нации в ЦА. Но в отличие от Казахстана славянский компонент в населении Киргизии в абсолютном и относительном выражении меньше. Неазиатские этносы в регионе служат своеобразным балансиром, третьей силой в двухсторонних конфликтах между киргизами и узбеками, узбеками и таджиками и т.д. Снижение доли славянских меньшинств ведёт к обострению противостояния между киргизами и узбеками, занявшими место второго этноса. Начиная с 1980-х гг. отношения между киргизами и узбеками стали обостряться, дважды перерастая в крупные кровопролитные столкновения (Ошские события в 1990 и 2010 гг.). Последний конфликт стал серьёзным испытанием для неокрепшего демократического режима Временного Правительства Р. Отумбаевой. Поводом для недовольства среди киргизов стала политика К. Бакиева,

опиравшегося на узбекские кланы и предоставившего им значительные экономические привилегии в ущерб беднеющим киргизам, живущим преимущественно в сельской местности.

Более того, ситуация на юге усугубляется попытками исламистов дестабилизировать ситуацию в стране, пользуясь межэтническим конфликтом, как это было во время попытки вооруженного прорыва в Баткенской области в 1999 г.. Северные области и столица Бишкек стараются поддерживать этнический баланс, благодаря чему ситуация в этой части страны более устойчива с точки зрения межэтнических конфликтов [Рогожкина 2009; Галлиев 2010; Collins 2002].

Таджикистан. Межклановые размежевания дали о себе знать ещё в начале 1990-х гг. и вылились в гражданскую войну, длившуюся пять лет. В советский период доминировал северный – ленинабадский – клан, вторым за ним шел кулябский, контролировавший силовые структуры. В результате гражданской войны кулябский клан монополизировал власть. Затем Э. Рахмон, президент страны, начал устранять прежних соратников с руководящих позиций, как и другие центральноазиатские лидеры, заменяя клановую приверженность личной лояльностью. Но гармский и гиссинский кланы до сих пор давят на правящую элиту, претендуя на участие в управлении страной и распределении ресурсов. Кроме того, на территории существуют и этнические размежевания, как в Согдийской области, где узбеки являются значительным меньшинством (около 15% населения) и сепаратистские настроения в Горно-Бадахшанской области [Рогожкина 2009; Шарафиева 2012; Лукьянов 2013; Collins 2002].

Туркмения. В Туркмении племенная структура сохранилась до наших дней и носит устойчивый характер (всего несколько десятков племен). Более того, племенное деление играет важную роль в политическом процессе. Будучи минимизированным в советское время, после распада СССР при С.Ниязове, представителе племени «теке» (или «ахалтеке»), племенная принадлежность стала снова значимой. Затем в Туркмении произошло то, что произошло и в других авторитарных персоналистских государствах региона – Казахстане, Узбекистане, Таджикистане – племенная преданность стала менее важна по сравнению с личной лояльностью. Преемник С. Ниязова – Г. Бердымухамедов продолжил линию по укреплению личной лояльности элит к себе, но при этом кровнородственные связи продолжили играть в политике страны большую роль. Так, клан чарджуоцев значительно теснит ахалтекинцев в последние годы, повышая внутреннюю напряженность в стране. Я. Бердыев, лидер клана, не исключает своих претензий на президентский пост. Что касается семейных связей внутри правящего клана, то при Г. Бердымухамедове заметно возвысилась его семья, в частности сестры – Мяхри и Гульнабат и дочь Жахон владеют крупными бизнес-активами [Рогожкина 2009: 24; Филлин, Зотин 2013].